

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Геоэкономическая формула мироустройства

Множественность изменений в политическом мироустройстве, генезис версий архитектуры мировой системы свидетельствуют о культурном и цивилизационном транзите, являясь симптомами процесса. Тут можно констатировать следующее:

- ♦ система международных отношений переживает транзит в иное состояние;
- ♦ в рамках транзита возникает новая организация мироустройства;
- ♦ мировой рынок перерастает в оригинальную форму миропорядка.

Рассуждая о генезисе новой модели, порожденной трансформацией привычных форм государственности (*nation state*), попробуем подробнее рассмотреть геоэкономический аспект комплексного процесса.

Геоэкономика как предмет исследования

Геоэкономика – направление социальных наук, возникшее в первой четверти XX века на стыке экономики и политологии. В предмете геоэкономики просматривается несколько аспектов, объединяющих в единый комплекс вопросы экономической истории, экономической географии, современной мировой экономики и политологии, конфликтологии, теории систем управления. Геоэкономика изучает:

- ♦ географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности;

♦ «мощь и ее актуальный инструментарий», происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую — сдвиг, порождающий особый тип конфликтов — геэкономические коллизии в глобальном контексте;

♦ политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «вселенским рынком», ее новой структурности);

♦ пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда;

♦ слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления.

Наблюдения о связи экономики, истории и географического пространства можно встретить у самых разных ученых XIX–XX веков в широком диапазоне от Фрица Рёрига,

Формирующаяся геэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов: транснациональный космос штабной экономики (Новый Север) ...

Фридриха Листа («автаркия больших пространств») и, конечно, «Политической географии» Фридриха Ратцеля до Фернана Броделя («миры-экономики») и Иммануила Валлерстайна («мир-системный подход»).

Общее понятие о предмете геэкономии первоначально возникает в русле геополитических штудий для фиксации реалий, относящихся к экономическим аспектам данного направления социальных исследований. Очевидно, что экономика Европы и экономика тропической Африки, равно как экономики стран континентальных и стран прибрежных, в своих существенных характеристиках типологически различны. Так, развитие товарного производства в умеренных широтах стимулировалось сезонным циклом сельскохозяйственной активности и необходимостью складирования собранных продуктов, в то время как экономика тропической зоны не имела столь выраженной цикличности, а складское хранение заменялось поддержанием экологи-

ческого баланса определенных растительных зон. В трудах геополитиков отмечалось также отличие базовых экономических моделей Rimland'a (ориентированной на широкий товарообмен) и Heartland'a (в большей мере нацеленной на самообеспечение). Геэкономия как самостоятельное понятие и направление исследований возникла в Веймарской Германии в 20-е годы практически одновременно с геополитикой, но пребывала в тени последней, не будучи востребованной в то время. Рассуждения о геэкономике фиксируются в работе Карла Рейджерса (1927), отмечающего роль географических модификаций, вносимых войнами в человеческую жизнь, как направление человеческой деятельности, более соответствующее новому состоянию человечества. И потому объединяющее геэкономия, геополитика (а заодно и геэкологию) в единый комплексный инструментарий изучения актуальной формы практики.

В годы Второй мировой войны и в последующий период XX

... трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации ...

века геоэкономика переживает реанимацию (Чарльз Колби, Гриффит Тейлор, Маурицио Пармели) — частично вследствие попытки избавиться от отягощенного одиозными ассоциациями понятия геополитики, активно использовавшегося в нацистской Германии. Геоэкономика очертила при этом предметное поле, отличное от геополитики, взяв от последней, однако, целостный, структурный подход к рассмотрению социальной реальности и политической динамики. В дальнейшем отдельные (немногочисленные) работы по геоэкономике выходили в странах «третьего мира» и Южной Европы.

В генезисе современного понимания геоэкономики также просматривается преемственность с подходами и инструментарием геополитики, что не в последнюю очередь связано с умонастроениями 90-х годов. В то время многие ис-

следователи прогнозировали смещение силовых игр наступающей эпохи из военно-политической сферы в экономическую и эскалацию нового типа конфликтов — геоэкономических коллизий, развивающихся в контексте международных отношений.

Подобный концепт был положен в основу статьи американского ученого Эдварда Люттвака «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли», опубликованной в журнале *National Interest* летом 1990 года. Люттвак противопоставляет в ней геополитику с ее акцентом на использование военной мощи для достижения внешнеполитических целей — геоэкономике как политике, ориентированной на победу в экономическом состязании. Следует упомянуть также работы Эндрю Лейшона и Уильяма Нестера.

В Европе концепция геоэкономики в те же годы активно

разрабатывалась в Италии генералом Карло Жаном, опубликовавшим, в частности, в начале 1991 г. статью «Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика», несущую отпечаток геополитических конструктов и военно-стратегического стиля мышления автора. По мнению генерала Жана, «геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле — и на всей практикологии конфликтных ситуаций». В целом в трудах итальянских ученых (Карло Жан, Паоло Савона, Серджо Фиоре, Фальчери Бруни Рочча) под геоэкономикой понимается «дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства».

В 90-е годы во Франции был основан *Institut Choiseul for International Politics and Geoeconomics* в качестве независимого исследовательского центра, анализирующего международные отношения, экономические и политические стратегии, а также мировые культуры. В 1997 г. институт, именуемый к тому времени Европейским институтом геоэкономики, начинает издавать академический журнал под названием «Геоэкономика» (на французском языке).

Сыграл роль в развитии геоэкономики также Паскаль Лоро. По его мнению, «геоэкономика анализирует экономические стратегии, в основном торговые, в соответствии с актуальной ситуацией в политической сфере <...> имея целью защиту собственных экономик либо хорошо опознаваемые их сектора с целью либо обрести национальными предприятиями технологии, либо захватить определенные сегменты мирового

рынка, соответствующие типам производства в данной стране».

В России разработка геоэкономического инструментария исследователями и освоение геоэкономического подхода государственными учреждениями начались непосредственно после распада СССР. Российская концепция геоэкономики при этом в значительной мере отошла от прочтения предмета в русле идей геополитики и конфликтологии. Геоэкономика понимается скорее как пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим феноменом новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий.

Данное направление, тесно связанное с развитием процессов глобализации, активно развивалось в 1992-1993 гг. в Главном управлении стратегического анализа развития внешнеэкономической деятельности МВЭС РФ. Геоэкономический подход углублялся в теоретическом отношении (велась разработка формальной схемы геоэкономического атласа мира) и применялся на практике при планировании стратегии внешнеэкономической деятельности России как в целом, так и в ее региональных и отраслевых аспектах. Геоэкономические реалии учитывались, в частности, при разработке концепции транспортных коммуникационных систем и при сравнительном анализе достоинств и недостатков широтных систем «Восток—Запад» и меридиональных — «Север—Юг» (1992), они обсуждались при формулировании «Основных положений

внешнеполитической стратегии РФ» (1993).

В настоящее время в российской геоэкономике доминируют две исследовательские модели:

- ♦ гексагональная конструкция глобального геоэкономического универсума, разработанная автором настоящей статьи;

- ♦ понимание геоэкономики Эрнестом Кочетовым как политики и стратегии повышения конкурентоспособности государства в новом глобальном контексте.

Ниже излагается авторский взгляд на геоэкономическую формулу мироустройства.

Транзит актуальных форм человеческого общежития

Становление нового формата государственности неоднородно по характеру и неоднородно по содержанию рождающихся в русле процесса влиятельных и дееспособных социально-политических конфигураций.

Число национальных государств и разного рода квазигосударств превысило на сегодняшний день две сотни. В пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, отколовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного национального очага.

Эти и подобные им образования, будучи объединенными контекстом международной практики, разделены в то же время степенью достигаемого успеха в вопросах адаптации к нормативам суверенного национального государства. А также степенью признания данного успеха со стороны мирового сообщества.

В результате система национальных государств как общество исключительных

субъектов международных связей (*inter-national relations*) дополняется инновационными конструкциями.

Относительная гомогенность системы размывается, а правовые основания меняются под воздействием полифонии агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем влияния, оказываемого на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

На сегодняшний день можно, пожалуй, различить три кластера перемен, три слоя социального текста, которые приходится учитывать при толковании миропорядка и моделировании действий в условиях подвижной реальности.

Во-первых, это новая композиция международных отношений, то есть различные формы адаптации к изменившимся условиям «традиционной» национальной государственности (*nation state*), перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам — глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Во-вторых, одновременно мы наблюдаем изменение логики актуальных мировых связей и соответственно — императив обновления способов анализа сложноподчиненной конфигурации геополитических и геоэкономических зон (*geo-economic areals*).

Наконец, в-третьих, имеет место генезис новой среды и ее обитателей, в том числе корпораций-государств (*corporation-state*) — влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с социальными/политическими амбициями и все увереннее чувствующих себя в антиномийной структурности одновременно интегрируемого и диверсифицирующегося социокосмоса.

Ситуацию, кроме того, усложняет реально существующий «четвертый слой» мировой по-

литической конструкции: параллельное синкретичное существование прежних и новых антропосоциоструктур. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию мировых конструкций, но также динамические связи и взаимодействия, которые возникают или только еще могут возникнуть между разнородными персонажами глобальной драмы. Таким образом, обновление топографии социальных пространств имеет характер комплексный, «композиционный». А делегирование национальной государственностью полномочий (суверенитета) совершается по различным направлениям и реализуется в различных регистрах. Все это — часть грандиозной системной реорганизации глобального сообщества, получившей ярлык «постсовременности» (Постмодерна).

Новый миропорядок

Активный поиск золотой формулы грядущего миропорядка происходил на протяжении всего прошлого столетия, включая привычный, связанный с национальной государственностью регистр социальной/политической практики.

Этот поиск отражен, к примеру, в миропроектности Коминтерна (1919) — вспомним строки из манифеста III Интернационала, где провозглашалось: «Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освобождает производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».

Но подобная же динамика

была пунктирно прочерчена и в замысле Лиги Наций (1919) — этом своеобразном прообразе грядущих мировых регуляторов, организации, содержащей также зародыш будущей международной бюрократии. И занимавшейся в числе других проблем вопросами инновационного государственного строительства на обезличенных постимперских пространствах (не имея при этом собственной территории, но распространяясь — то есть в некотором смысле обладая — территориями, «подмандатными» ей). Своя версия «нового общественного порядка» просматривалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности *Ordnung*'а...

Во второй половине XX века поиск «золотого сечения» нового мирового порядка проявился в утверждении биполярной системы мироустройства — «содружества социалистических стран» и «капиталистической системы», в процессах массовой деколонизации и становления «третьего мира», в формировании глобального «свободного рынка».

А также в создании Организации Объединенных Наций, включающей несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и вполне автономных. И в тех существенных подвижках, которые внес в прописи международного права такой институт, как Совет Безопасности ООН (1945), — подвижках, связанных с делегированием сообществом суверенных государств определенных властных полномочий этому коллективному органу, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена

мировых регулирующих органов связана с судьбой коалиции «Большой шестерки/семерки/восьмерки» (1975). И с генезисом такого своеобразного мирового регулирующего организма, как «мировая господствующая держава» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский).

Наряду с формированием мировых регулирующих организмов отмечу распространение феномена стран-систем.

В одной из своих ипостасей это те же Соединенные Штаты, чья административно-политическая граница не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов».

В еще более явном виде — становление и расширение Европейского союза, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства — Большой Китай, вбирающий такие сегменты, как Макао, и образующий симбиотическую структуру с автономией Гонконга. А в перспективе, возможно, с другими территориями, имеющими прямое и косвенное к нему отношение.

Это также аморфное постсоветское пространство, которое способно на останках структурности СНГ породить в том или ином формате системы государств — как связанные с Россией (например, ЕврАзЭС), так и независимые от нее (ГУАМ либо конфигурации западно-южной балтийско-черноморской общности).

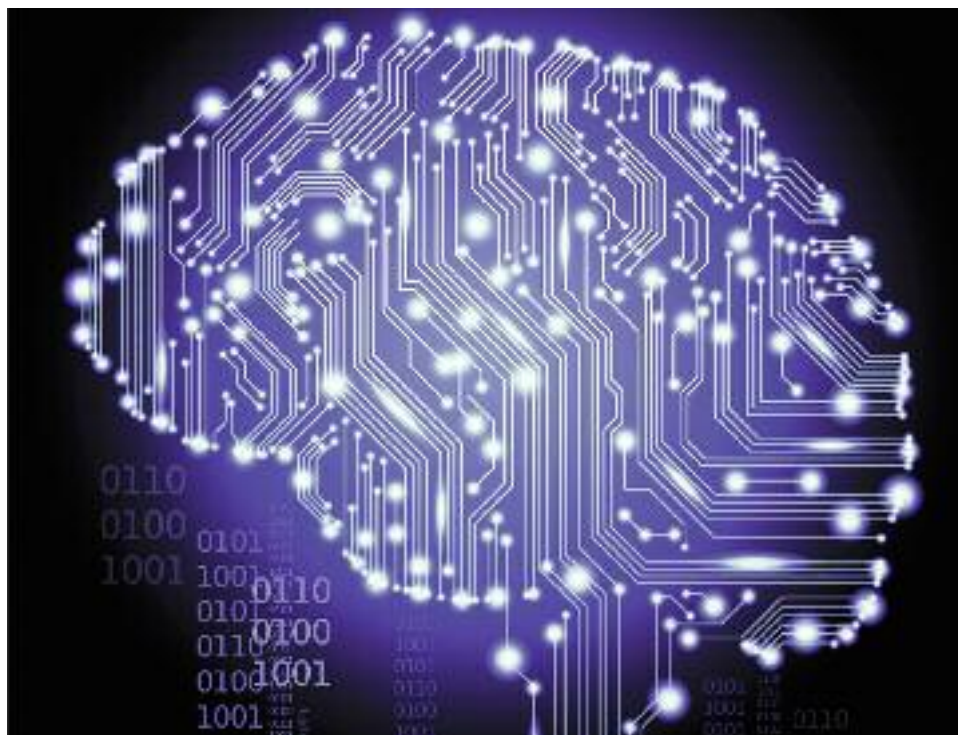
Наконец, очевидна диверсификация суверенитета как на путях легальной децентрализации (недавний опыт СССР, Чехословакии и Югославии или другие ситуации относительно недавнего прошлого, приведшие к образованию су-

веренных государств — наподобие генезиса Бангладеш или Эритреи), так и в русле многоликостью субсидиарности в купе с процессами универсальной глокализации.

Субсидиарность, ее двоюродные и троюродные родичи наряду с привычными ситуациями автономизации (Северная Ирландия, Шотландия, Баскония, Каталония, Корсика, Фландрия и т.п.) сегодня включают в себя множасьую феноменологию «непризнанной государственности» (Северный Кипр, Карабах и др.), венчурные формы ее легитимации (Палестинская автономия, Косово), поиск иных способов адаптации (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия).

Специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность периодически проявляется, к примеру, на Африканском континенте (как лимитрофы искусственно прочерченных границ) либо в виде повстанческих криминальных и полукриминальных латиноамериканских «республик сельвы». Равно как этноконфессиональные (Дарфур), трайбалистские (зона Великих африканских озер), демодернизированные (Сомали, Афганистан) образования. Или обширный, хотя и принадлежащий прошлому, южноафриканский опыт строительства бантустанов.

Стоит упомянуть сумятицу несостоявшихся и обанкротившихся государств. Или многоликих транзитных «золотых земель», мятежных автономий: от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до «зоны племен» на афгано-пакистанской границе, плавно переходящих, в конце концов, в трансграничную и своеобразно социализированную структурность полевых командиров и наркотрафика.

... Высотехнологичный Североатлантический регион (Запад) ...

Пожалуй, наиболее интригующим регистром практики является пространство новых акторов на планете: государств-корпораций и корпораций-государств — территориальных, деятельных и антропологических организованностей, активных и дерзновенных протосуверенов, отличных от прежних форм государственности и социальной организации в целом.

В процесс по-новому прочитанной субсидиарности вовлекаются при этом не только регионы, автономии или мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим целеполаганием.

Это также идущий на смену гегемонии буржуазии новый политический класс — стуски сознаний и воли, субъекты и агенты драматических перемен, совершающихся в человеческом космосе. Человек-*manterpriser* (человек-предприятие) институализирует себя как аутосуверена, следуя формуле: «Нет общества, есть только индивиды». Именно занимаю-

щий в мире властные позиции эклектичный слой четвертого сословия очерчивает контур новой глобальной социальной конструкции — пространства обитания трансграничного сообщества, развивающегося по собственным лекалам, знаменующего и ускоряющего самим фактом своей экспансии формирование постсовременного универсума.

Суммируя изложенное, можно констатировать: на планете возникают новые формы влиятельных транс- и паргосударственных образований, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей: действуют мировые регулирующие органы, страны-системы, на пороге правовой легитимации поколение социоконструктов, рожденных в частности процессами субсидиарности и глокализации. Другими словами государственность сохраняется, но обретает новую историческую формулу так же, как несколько веков назад исторической новацией явилось само национальное государство.

... связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток) ...

Геоэкономическое мироустройство

Понятие геоэкономики имеет несколько расшифровок, наиболее актуальная из которых — это область практики, представляющая амальгаму экономики и политики.

Геоэкономическая формула мироустройства, сохраняя определенную преемственность с прежней практикой миростроительства (догоняющей модернизацией), реализуется, однако же, в заметно ином историческом формате, отчасти напоминая прописи сословного (слоистого) мира. Генетически произрастая из кодов фритредерства, сегодня она закрепляет и технологизирует намеченное в прежнем политическом языке разделение мира на большие пространства Востока и Запада, Севера и Юга, «индустриально развитых стран» и «третьего мира» и т.п.

Формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов, два из которых являются транснациональными,

а четыре имеют географическую локализацию. Это:

- ♦ транснациональный космос штабной экономики (Новый Север);
- ♦ трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, подобно ленте Мёбиуса плавно смыкающееся с глобальной теневой стиральной машиной квази-Севера;
- ♦ высокотехнологичный Североатлантический регион (Запад);
- ♦ связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток);
- ♦ традиционный сырьевой Юг;
- ♦ не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

Введение элементов глобального управления в современную экономику приводит к синтезу хозяйственных и властных функций, что отразилось в актуализации категории «геоэкономика», понимаемой как слияние политики и экономики, формирование на данной основе системы стратегических взаимодействий. На самом деле, экономика все чаще выполняет управленческие и властные функции, а власть соучаствует в решении экономических задач. Но главное — и то и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. Постепенно сумма хозяйственной деятельности на планете — в процессе мирового разделения труда — приобретает черты целостной структуры, политэкономического организма, отдельные компоненты (члены) которого имеют специализированный характер. Иначе говоря, современная экономическая практика транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам. Отсюда еще один из смыслов в содержании категории «геоэкономика», фиксирующий пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда в глобальном универсуме.

Дело в том, что модули («этажи») геоэкономической машины, разнесенные в пространстве, находятся в определенных производственных взаимоотношениях. К примеру, производство природного сырья и материальных изделий связано в устойчивую диаду. То же самое можно сказать о «сырье» интеллектуальном и высокотехнологичном производстве. Проанализировав палитру подобных отношений, мы можем построить це-

лостную сложноподчиненную (иерархичную) матрицу, объединяющую в единую композицию весь спектр хозяйственной и финансовой деятельности на планете.

Геокон можно представить как «китайский шар» — конструкцию из пяти уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого. Такая конструкция является неплохой моделью геоэкономической организации мира. На внешней поверхности геокона расположено пространство Нового Севера — охватывающее прочие экономические миры. Оно генетически связано с Североатлантическим регионом, но обладает собственным историческим и трансгеографическим целеполаганием. Экономика космополитичного модуля прямо связана с владением весьма значимым символическим капиталом, с принятием и проекцией властных решений, с финансово-правовым регулированием операций, с информационной, интеллектуальной и цифровой экономикой, с областью высококвалифицированных услуг. Собственно материальное производство оставляется для других геоэкономических персонажей.

Доминанта следующего геоэкономического ареала («первого внутреннего шара») — производство высоких технологий, расположенное в Североатлантическом регионе. И если первый — транснациональный — «этаж» мы обозначили как «Север», тогда второй — географически локализуемый — регион следует, наверное, сохраняя типологическую преемственность, именовать Западом. Североатлантическая мир-экономика выполняет функции своеобразного «высокотехнологичного Версаче», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но

— главное — в сфере высоких технологий, которые, с определенными ограничениями для технологий военных и некоторых других, тиражируются затем в других регионах планеты.

И прежде всего на просторах Большого тихоокеанского кольца. Сегодня тихоокеанский регион в геоэкономическом смысле — это не только Северная и Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания, ареал включает такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка — Индостан. Это Новый Восток, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары. Еще один географически мотивированный регион — Юг, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зонах. Основа его геоэкономической ориентации — производство природного сырья.

Следующая зона, пожалуй, наиболее сложна для анализа с точки зрения ее хозяйственной ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии — точнее, Северной Евразии, — в политическом отношении во многом связанный с историческими судьбами России. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» — своеобразного геоэкономического гипер-Севера — по ряду косвенных признаков могло бы стать производство интеллектуального сырья для широкого круга нововведений (как инженерных, так и социогуманитарных). В таком случае пространственная организация мира точно соответствовала бы умозрительной формуле «мировой производственной мегамашины» — единого комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого не произошло.

Завершает перечень основных элементов («стихий») геоэкономической конструкции транснациональный андеграунд, «размазанный» по изнанке геокона, объединяющий, словно лента Мёбиуса, спекулятивный квази-Север с откровенно грабительской, трофейной экономикой Глубокого (Глубинного, Крайнего) Юга. Это наследник традиционной криминальной и околориминальной деятельности, включивший в себя развернувшийся в наши дни потенциал трофейной экономики, оперирующей сотнями миллиардов, если не триллионами, долларов и обретающей качественно новые характеристики, особое положение в рамках глобальной экономики.

Вообще трофейная экономика — это, во-первых, использование ранее накопленного цивилизацией материального потенциала в качестве источника извлечения краткосрочной прибыли, а во-вторых, сужающееся, «хищническое» производство, основанное на проедании ресурсов предыдущего этапа развития.

Предметное поле данного геопространства расширяется, не ограничиваясь привычным списком видов криминальной активности, такой как, например, наркотрафик (хотя последний и составляет наиболее заметную часть параэкономики). Трансграничный Глубокий Юг интегрирует всевозможные проявления подпольной экономики, связанные в свою очередь тем или иным образом с экономикой легальной, и выстраивает на основе этого взаимодействия серые, полусерые и прочие нечестивые зоны практики.

Высокие геоэкономические технологии

На протяжении XX века складывались высокие геоэконо-

... традиционный сырьевой Юг ...

мические технологии, когда ведущей отраслью экономики становится не производство того или иного продукта, но самой деятельности — своего рода глобальных услуг. Попробуем рассмотреть некоторые из них.

Прежде всего это новые деньги, которые возникли в 1971–1973 годах, после отмены США золотого стандарта в различных его модификациях, в результате чего исторический процесс «порчи монеты» достиг своего логического результата. Деньги обретают своеобразный «алхимический» характер — их значение определяется в конечном счете символическим капиталом Соединенных Штатов Америки, их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Проще говоря, новые деньги — это деньги, которые не обеспечены драгоценными металлами, ликвидностью и т.п. Более того, не обеспечиваются они и достоянием государства. Так что обанкротить США невозможно, и именно потому, что страна является эмитентом этих новых денег. Иными словами доллару грозит лишь де-

вальвация, на которой, как ни странно, Америка не только в финансовом плане не теряет, но даже получает прибыль. Потому что деньги (то есть обязательства) «гниют», являясь объектом перманентной инфляции.

Обычная банковская технология действует следующим образом. Человек или предприятие занимает деньги в банке и уплачивает проценты, но если эмитировать долговые расписки как универсальные деньги, все происходит с точностью до наоборот: вы занимаете нечто у мира, а мир платит за это проценты. Долларовые банкноты или соответствующие электронные платежи (расписки заемщика) предъявляются затем эмитенту (если предъявляются) — скажем, в оплату его товаров — уже обесцененными: процент инфляции из них автоматически вычтен.

То есть привычная банковская схема «кредитор—заемщик» меняется в данном случае на прямо противоположную: кредитор платит заемщику процент, равный проценту обесценивания ссуды. Другая высокая геоэкономическая технология — глобаль-

ный долг. Генезис глобального долга относится приблизительно к тому же периоду. В 1973 г. разразился нефтяной кризис как результат «войны Судного дня» между Египтом и Израилем: в то время цены на нефть резко подскочили, доходы нефтедобывающих государств серьезно возросли, и значительные объемы евро-долларов (то есть долларовой масса, находящаяся за пределами США) вторглись в мировую финансово-экономическую систему.

Страны-экспортеры нефти, однако, не обладали инфраструктурой, способной абсорбировать избыточные финансы, поэтому не могли эффективно и производительно использовать богатство. Остался единственный путь — поместить средства в банки, что эти страны и делают: переводят деньги в надежные западные банки. Те постепенно переполняются, кредит дешевеет, становится избыточным, деньги начинают «подгнивать», а когда деньги залеживаются, банковским учреждениям грозит банкротство. Инфляция в подобных условиях растет, кредиты предоставляются все менее надежным заемщикам и на менее выгодных для банков условиях. В конце концов, займы начинают даваться под проценты едва ли не ниже уровня инфляции.

На данной стадии «кризиса финансового изобилия» ситуация была частично смягчена пришедшимся примерно на те же годы процессом деколонизации, который расширил пространство кредитных операций. В то время возникало множество государств, охотно бравших деньги и не менее охотно и быстро их тративших: строили стадионы, дворцы, затевали престижные проекты, переводили средства из банка в банк, разговаривали... А когда наступал срок уплаты долгов, финансовые

учреждения предоставляли новый кредит, на сей раз на погашение предыдущих.

К началу восьмидесятых годов ситуация, однако, драматичным образом изменилась. В условиях нового повышения цен на нефть очередной виток инфляции потребовал принятия достаточно жестких мер, в том числе увеличения процентных ставок. Страны же заемщики прочно увязли в трясине долгов и многочисленных, нередко весьма дорогостоящих проектов. К тому же в индустриально развитых государствах к тому времени были задействованы финансово-экономические механизмы, позволявшие перераспределять природную ренту в свою пользу. Наконец, на роль крупнейшего заемщика стали претендовать Соединенные Штаты, столкнувшиеся в силу ряда обстоятельств с устойчивым ростом государственных расходов и бюджетного дефицита.

Оскудение кредитных рынков создало проблему выплат по ранее взятым обязательствам, ряд развивающихся стран начал ощущать последствия «дурной бесконечности» потерянного десятилетия. Одновременно ужесточилась политика банковского сообщества, оказавшегося перед угрозой глобального дефолта. И действительно, первой его ласточкой стал долговой кризис в начале восьмидесятых.

Спасением явился переход банковских учреждений к коллективным действиям. (Неслучайно рождение в тот период влиятельных организаций кредиторов — Парижского и Лондонского клубов.) Во главе комплексной стратегии выхода из тупика оказались международные экономические организации — Международный валютный фонд и Всемирный банк реконструкции и развития, созданные в рамках бреттон-вудской системы

для других целей, но обретшие в конце семидесятых второе дыхание благодаря тому, что верно оценили открывшиеся перспективы.

Глобальный долг — это не просто долг, но динамичная система контроля над траекториями ресурсных потоков и конфигурацией мирового дохода. Основой стратегии стала реструктуризация задолженности стран-заемщиков, санация их финансового положения, сокращение бюджетного дефицита, но также — структурная перестройка национальных экономик, сопряженная с широкой приватизацией, либерализацией цен и внешней торговли, ведущая к росту экспорта, а соответственно и валютной выручки, необходимой для расчетов с кредиторами. В итоге мировая финансовая система устояла, но мировая экономика приобрела качественно иной облик.

При анализе технологий адаптации периферийных экономик к глобальному рынку — программ структурной перестройки и финансовой стабилизации — обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, в отличие от прежних рецептов встраивания развивающихся стран в мировую экономику (в русле «геокультуры развития») алгоритмы данной технологии нацелены на создание жизнеспособной неравновесной, но устойчивой модели перераспределения мирового дохода. Модель имеет серьезные социальные следствия, связанные со сжатием внутреннего потребления в странах-должниках (и перераспределением активов в пользу кредитора), ибо радикальное уменьшение бюджетных расходов, конечно же, влияет на положение широких слоев населения.

Во-вторых, стабилизируя состояние финансовой среды,

стимулируя ее развитие (формируя платежеспособный спрос на финансовые ресурсы/услуги), пакет реформ призван также решить другую стратегическую задачу — обеспечить долгосрочную встроенность (*adjustment*) Юга в систему североцентричного глобального рынка в качестве ресурсно-сырьевой составляющей, выводя прежнюю ситуацию пресловутых ножниц цен на качественно новый уровень. В соответствии с технологией структурной перестройки в стране-реципиенте происходит оптимизация добычи полезных ископаемых. Затем сырье выбрасывается в возрастающих количествах на рынок, а государство по логике данной технологии получает деньги, с помощью которых может выплатить задолженность. Спасая, таким образом, мировую банковскую систему от краха. Однако системные следствия от применения технологии структурной перестройки на этом не прекращаются. Все большее число стран начинает повышать экспорт сырья — ведь это их основной источник валюты, — поэтому мировые цены на него снижаются. Падает также уровень рисков в обеспечении глобальной экономики природными ресурсами. Сырья добывается больше, однако доход от его продажи может и понизиться, а знаменитые ножницы цен — увеличиться. Что в свою очередь приводит к новому витку в росте предложения.

Органичное в русле рассматриваемых реформ и в логике фритредерства снижение либо полная отмена экспортных пошлин — помимо стабилизации долговой ситуации (или, быть может, правильнее сказать — перевода долгосрочной проблемы на хорошо обустроенную и уходящую в бесконечность колею) — формирует благоприятный торговый

... не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

климат для стран-импортеров сырьевых продуктов. Тем самым, по сути, стимулируется сырьевой бум: устойчивый приток на рынок и изобилие дешевых ресурсов в силу естественного в подобных условиях падения цен, а распределение прибыли становится доходным занятием структур, контролирующих международные торговые операции. При этом у стран-потребителей остаются рычаги для изменения в свою пользу схемы распределения горной ренты: за счет введения высоких импортных тарифов (под предлогом антидемпинговых процедур) либо в форме высокого налогообложения продуктов первичной обработки дешевого сырья (как бы выравнивая конечную цену продукта по высокой внутренней планке). Но также и в форме потребления фактически бесплатных экологических ресурсов ввиду отсутствия глобального рыночного механизма в данной сфере.

Рассмотрим технологию финансовой стабилизации. По сути, это бюджетная операция, при помощи которой внутреннее потребление, то есть расходные статьи бюд-

жета, в особенности социальные (у которых к тому же заметно меньше лоббистов), начинают оптимизироваться, то есть сокращаться. А образующийся профицит направляется на выплату внешней задолженности. Данная расходная статья подчас становится ведущей в национальном бюджете.

Таким образом, мировая банковская система не только вышла из кризиса, но сформировала систему перманентного долга, фактически охватившую весь мир.

В самой аксиоматике данной концепции реформ было, однако, заложено фундаментальное противоречие между стимулированием развития рыночной среды, национально-частного сектора и внерыночным характером действий международных организаций, фактором их целенаправленного влияния на процесс принятия решений в странах-реципиентах. В результате, несмотря на декларируемые цели, фактический контроль за социально-экономической деятельностью зачастую переходил не столько к местному частному сектору, сколько к иностранным донорам и

международным организациям, формируя контекст своеобразного североцентричного «макроколониализма». Еще один пример высокой геоэкономической технологии — управление рисками. Тут следует подчеркнуть, что управление рисками несводимо к их страхованию, хотя и последнее потенциально является масштабным видом деятельности. Так, еще в 1997 году, на волне восточноазиатского кризиса, заговорили о страховании национальных и региональных рисков и создании международного института для данного вида деятельности.

Управление же кризисными ситуациями может быть ориентировано не только на снижение, но порою и на повышение уровня кризиса.

Рассуждая о высоких геоэкономических технологиях, следует упомянуть также перспективы выстраивания глобальной налоговой системы (ее прообраз, кстати, проскользнул в свое время в схеме Киотского протокола). Наконец, отдельная тема — деструктивная параэкономика (и связанные с нею технологии), в рамках которой пространства деятельности и доход образуются за счет деконструкции, подчас высокоиндустриальной, результатов человеческой деятельности. **Р**

Группа «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» представляет книгу

«Русская идентичность. Дорога жизни»

В сборнике, выход которого приурочен к Году российской истории, собраны статьи современных мыслителей Русского мира, проживающих в Российской Федерации и за рубежом. Статьи объединены общей темой – русская идентичность, ее смыслы, исторические и культурные основания. Особое внимание уделено значению русской идентичности для будущего России, возможному вкладу в развитие цивилизации. Затрагивается вопрос, каким образом фактор национальной идентичности должен учитываться при прогнозировании динамики российского общества в XXI веке.

Книга находится в открытом доступе на сайте Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия»

www.intelros.ru

Сборник продолжает сценарно-футурологический проект Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и СИНЛА-АЦМИ, в рамках которого вышли книга Александра Неклесса «Люди воздуха, или Кто строит мир» (2005), «Эсхатологический сборник» (2006) и сборник «De futuro, или История будущего» (2008).

Русская идентичность. Дорога жизни / Под редакцией Дмитрия Андреева и Александра Неклесса. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2012. – 288 с.

Содержание:

- Исследовательский доклад Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия».** Проект «Россия»
- Александр Неклесса.** Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности
- Карен Свасьян.** О трех превращениях философии в России. Опыт биографического осмысления
- Владимир Малявин.** Россия в евразийском пространстве
- Дмитрий Замятин.** Стрела и шар: к новой метагеографии России
- Александр Филиппов.** Россия: возрождение политического
- Дмитрий Андреев.** Экспертная мысль РФ: есть ли выход из кризиса?